

СМЕЖНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ И СПЕЦИФИКА ОМОНИМИИ В ОБЩЕЙ КРИПТОТИПНОЙ СИСТЕМЕ ЧАСТИЦ И ОКОНЧАНИЙ: СКРЫТЫЕ КОДЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Илия Солтиров
Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“

Резюме. Настоящата статия е посветена на изследването на омонимията в системата на служебните части на речта и на окончанията. Работата е синтез на синхронния и диахронния аспект на този проблем.

Keywords: homonymy, inflexions, functional parts of speech

Понятие языковой омонимии – чаще применительно к лексике – находит свое место и в морфологии, указывая на совпадение разных языковых единиц. Одним из наиболее ярких явлений в словоизменительных парадигмах знаменательных слов можно считать омонимию окончаний. Окончание -A может указывать одновременно и на им.п. ед.ч. ж.р. (комнат-A), и на р.п. ед.ч. м.р. (сын-A), и на в.п. ед.ч. м.р. (аист-A), и на и.м. мн.ч. (поезд-A), и на в.п. мн.ч. (окн-A) и т.д. Специфической чертой современного состояния русского языка является широкая представленность функциональной омонимии среди служебных частиц, где синтаксис утверждает мысль о той или иной части речи на основании разных коммуникативных задач. Таким образом междометие *a* омонимично союзу *a* и частице *a*: *A, дедушка!* (междометие) – *Я ужинал, а он слушал музыку.* (союз) – *Смотри, нравится, а?* (частица). Кроме того, наблюдается еще один тип, однако, немотивированной морфологической омонимии, который распространяется на служебные слова и на их связь с окончаниями. Так, например, союз *и* омонимичен окончанию множественности *-и* в слове *книги*. Конечно, термин **омонимия** в конкретном случае употребляется в несколько суженном понимании. Такой способ омонимии реализуется регулярно и привлекает внимание лингвистов разных стран и теоретических направлений. Подобное явление позволяет продемонстрировать часто встречающиеся контакты и взаимопроникновения в структурной области служебных частей речи и окончаний:

Служебное слово	Окончание знаменательного слова
и (союз) – ручка и карандаш	и (им.п. мн.ч.) – ручки
а (союз) – она говорит, а он молчит	а (р.п. ед.ч. м.р.) – учебника
о (предлог) – рассказывать о Москве	о (и.п. ед.ч. ср.р.) – село
у (предлог) – жить у бабушки	у (в.п. ед.ч.ж.р.) – газету

Не являются ли структурные совпадения, отмеченные в таблице, чисто случайными? Цель настоящей работы – показать, что в омонимии такого типа языковые единицы находят в тоже самое время и эквивалентное выражение мысли, что они не могут быть случайными фактами языка. Если рассматривать подчеркнутые модификаторы в отрыве от их традиционного парадигматического статуса в морфологии, то сразу бросается в глаза, что одни и те же средства используются для построения разных единиц на разных языковых уровнях. Все они могут быть, с одной стороны, словообразовательно модифицированными и, с другой стороны, формообразовательно модифицирующими. В данной статье они будут описываться как искусственные конструкторы, которые функционируют в естественном речевом акте и обогащают его разными смысловыми оттенками и сообщениями. А с другой точки зрения эти модификаторы представляют собой единство плана содержания и плана выражения, взаимодействие которых в речи создает информированность, истинное отношение факта сообщаемого к действительности, полноту и законченность. Именно предложение (как единица синтаксиса) превращает эти конструкторы в живой факт речевой деятельности. Таким образом они становятся последним элементом в процессе восприятия и понимания высказывания, а речь лучше запоминается, за ней легче следить. Грамматика лишь приписывает их к определенной парадигме или к определенному классу слов. Но в более узком понимании они никакого отношения к парадигмам слов не имеют и не входят ни в одну таксономическую структуру. Пристальный интерес к этому строительному материалу коммуникативного фонда можно обнаружить в работе: „Непарадигматическая лингвистика“ (Николаева, 2008). Татьяна Николаева неоднократно подчеркивала, что эти маленькие частицы образуют особый языковой класс и составляют весь коммуникативный фонд повседневного общения. Автор называет такие структурные единицы *партикулами*, чтобы разграничить и выделить их, таким образом, из системы служебных частей речи. Татьяна Николаева объединяет их в один ряд. Это и есть настоящий строительный материал дискурса, из которого создавались разные предлоги и окончания изменяемых частей речи, без этого материала человеческое общение – пустая тратя времени. В их конструктивных рамках предполагается развернуть речь. Эти маленькие частички часто являются приемом использования в речи для повышения ее коммуникативного статуса. Существуют разные подходы к трактовке и пониманию этой проблемы. Только с абсолютной уверенностью можно прийти к выводу, что между частицами и

окончаниями распространяется некая органическая связь, имеющая богатое историческое прошлое. Но какова она на самом деле?

До этого момента описывались только структурные (или формальные) характеристики омонимии между служебными словами и окончаниями. Как было выше отмечено, языковые конструкторы, из которых строится речь, являются неразрывной связью плана содержания и плана выражения. Но надо отметить, что значение, заключенное между ними, проявляется на уровне чувств и подсознания, оно не поддается проверке, о нем можно судить только на основании определенной логики. Логику вызывает непосредственное раскрытие значения в речевом акте. Вне контекста эти частички имеют абстрактную коннотацию. Строительный элемент *и*, как часть языковых модификаторов, послужит доказательством того, что коммуникативный фонд составляют слова плана содержания и плана выражения. В чем же скрытый смысл этого *и*? Как логика позволяет нам получить новые данные в коммуникативном процессе? Зная его изначальное значение, то, что было закодировано в нем с помощью истории, можно представить в сознании его истинный смысл несмотря на то, какую с точки зрения парадигматики роль этот строительный элемент выполняет и каким образом структурно он оформлен.

В предложении союз *и* выступает обычно с некоторыми основными функциональными характеристиками, которые закреплены за ним, как коды, в любых ситуациях, которые не изменяются в силу разных языковых обстоятельств, а именно: он соединяет, объединяет, связывает, усиливает, подчеркивает – *красивая и умная девушка; все уже было приятно, и все-таки ему стало плохо; туда и сюда и т.д.* Очень походит на него с точки зрения выполняемой функции омонимичная ему частица *и*. Она усиливает, присоединяет, подчеркивает – *будет и на нашей улице праздник.* Чаще всего (но не во всех случаях) окончание мн.ч. им.п. *-и* в парадигмах изменяемых слов указывает на множественность определяемых предметов – *ручки, книги, снегири.* Поскольку одним из основных семантических гнезд родительного падежа является указание на принадлежность, то можно предположить, что и окончание *-и* у некоторых слов ж.р. р.п. ед.ч. также обозначает некую множественность, добавление – *тетради девочки, сыновья матери, братья Кати и т.д.* По меньшей мере здесь речь идет о двух предметах. Таким образом в семантическом поле частицы *и* выделяются некие основные значения языкового знака, которые всегда остаются неизменными и которые сводятся к более старым образованиям. Совокупность всего этого набора семантико-абстрактных значений можно назвать *кодификатором.* Декодификация конкретного значения происходит в конкретном высказывании и действует в речи, дополняя основную информацию разного типа абстрактной семантикой. Вместе с тем существует следующая функциональная зависимость в представленной концепции, обосновленная соразмерностью рассматриваемых фактов: союз *и* вполне определенным образом воздействует на интер-

претацию множественности в семантическом поле окончания *-и*. И, наоборот, окончание *-и* связывается с представлением о множестве предметов, что должно иметь некую связь с традиционно приписываемыми предлогу *и* смысловыми оттенками. Таким образом каждая изначальная частица разбивается на пары соподчиненных элементов. А выбор конкретной частицы (в том числе выбор окончания или выбор служебного слова) определяется фонологическими, морфологическими и некоторыми постоянно действующими "скрытыми" факторами. Именно эти скрытые коды четко отличают рассматриваемые конструктивные элементы от обычного представления, связанного с пониманием сущности служебных слов. Т.е., термины *частицы* и *партикулы* (термин Т. Николаевой) не всегда указывают на одинаковые грамматические единицы. Во-первых, не все частицы являются партикулами. Во-вторых, партикулы по своей природе принадлежат к такому уровню языка, на который ученые до сих пор не обращали внимания с точки зрения его автономного статуса. В языковедческих теориях сложилось какое-то противоречивое и негативное представление об этом языковом уровне, его как бы не существует. Если умозаключения о партикулах верны, то это должно было отразиться на сущности понятия *омонимии*, нужно отказаться от омонимии. Для удобства надо отметить, что на статус партикулы могут претендовать следующие грамматические единицы: союзы, предлоги, частицы, междометия, артикли, окончания. В конце этой статьи отмечаются и все основные особенности партикул.

В теоретической практике возникали определенные трудности с разрешением проблемы таксономии и категориальной идентификации этих единиц. На сходство окончаний и служебных слов обращали внимание ученые разных поколений. В большинстве исследований замечается тот факт, что функция имеет приоритет над формой. Жозеф Вандриес, например, подчеркивал их функциональную близость— все они наделены в той или иной степени лишь грамматическими способностями. „Многие из „частей речи“ наших грамматик не что иное, как морфемы (т.е. выражатели чисто грамматических отношений), — пишет Ж. Вандриес. — Таковы частицы, называемые предлогами и союзами“ (Виноградов, 2001, 42-43 с.). В. Белошапкова тоже пристально исследует связь окончаний и служебных частиц. Ее анализ тоже учитывает функциональные возможности этих единиц, и одновременно она заставляет читателя задуматься над некоторыми смысловыми нагрузками. „Служебные части речи несколько напоминают окончания, поскольку многие окончания также одновременно и связывают слова в предложении, и отражают определенный аспект действительности“ (Белошапкова, 1989: 524). В связи с этой проблемой существуют и крайне скептические высказывания. Г. Дункель утверждает, что „налицо различия между частицей и парадигмой“ (Дункель, 1992: 17). Новаторский подход к организации выборов критериев, связанных с этими структурами, предлагает Т. Николаева в своих исследованиях. Описывая сущность партикул, автор несколько раз утверждает,

что „такой пласт лингвистами не описан“ (Николаева, 2008: 8). Наличие тесной связи между служебными словами и частицами вовсе не был в это время новым открытием. Но их полное совпадение является в русистике открытием чрезвычайной важности и принадлежит оно, бесспорно, Т. Николаевой.

При комплексном исследовании парадигм словоизменения нельзя не заметить, что одни и те же формальные показатели грамматических категорий у разных частей речи строятся с помощью одних и тех же языковых формантов. И если определить общее значение каждого отдельного форманта, то отсюда станет ясно, какую функцию он выполняет на каждом языковом уровне вне зависимости от его парадигматического статуса. А общее значение можно определить, исходя из его рефлексов в речи. В данной статье эта концепция прилагается здесь только к исследованию грамматического рода и числа. Прежде чем приступить к анализу, нужно отметить, что внешне выражение для грамматического рода и числа выражено синкреметически. Окончание *-a* в слове *женищина* обозначает одновременно и ж.р., и ед.ч., а и им.п. Итак, окончание *-и* связывается со значением множественности и в сфере имени существительного (*книг-И*), и в сфере имени прилагательного (*искренн-И*), и в сфере глагола (*обедал-И*) и т.д. Чтобы решить окончателльный ребус в семантике окончания *-и*, надо расширивать его по частям. Таким образом слово *книги* означает *книга, и книга, и книга ...* Слово *обедали* означает, например, *он обедал, и она обедала, и я обедал...* Как хорошо чувствуется, при расшифровке этого вопроса активное участие принимает союз *и* (или его синонимы). Может быть, за этими совпадениями стоят те скрытые языковые коды, о которых шла уже речь? Или по сути, это элементарная математика?

Окончание *-a* указывает на доминирующую женскуюность и в сфере имени существительного (учительница-А), и в сфере имени прилагательного (красив-А), и в сфере глагола (читал-А) и т.д. Показатель женскойности в системе одушевленных имен существительных служит прежде всего обособлением женского существа от мужского существа (учитель- учительница, болгарин- болгарка, ученик- ученица). В таких случаях род ярче всего противопоставляется. Таким образом слово *ученица*, например, можно раскодировать так: это ученица, а не ученик. При раскрытии этого кода участие принимает союз *a*, чтобы отделить одно явление от другого. А ведь одним из основных значений этого союза является противопоставление или (сопоставление). Таким образом окончание ж.р. *-A* и союз *a* связаны некоторыми скрытыми семантическими кодами.

При таком понимании можно говорить не только, например, об окончании ж.р. ед.ч. им.п. имени существительного, а о женском окончании *-A* вообще, так как оно указывают на однотипные явления в сферах разных частей речи. Такой концепции, однако, нужно отказаться от традиционного с современной точки зрения деления на окончания в частных парадигмах имени существительного, окончания в частных парадигмах имени прилагательного и т.д. Все это наглядно можно проследить в следующей таблице:

Часть речи	Окончания для м.р. -∅	Окончания для ж.р. -А	Окончания для ср.р. -О, -Е	Окончания для мн.ч. -Ы, -И
Имя существительное	ученик	учениц-А	окн-О названи-Е	сестр-Ы лошад-И
Имя прилагательное	красив искренен	красив-А искренн-А	красив-О искренн-Е	красив-Ы искренн-И
Имя числительное	один	одн-А	одн-О	одн-И
Местоимение	этот	эт-А	эт-О	эт-И
Глагол	играл	играл-А	играл-О	играл-И

Чтобы с абсолютной уверенностью сказать, что часть служебных слов и часть окончаний органически связаны, необходимо определить то пограничное место, где синхрония и диахрония пересекаются. В наше время на основе современного языкового материала есть все основания искать сходства между этими структурами, так как во многих случаях они переплетаются как структурно, так и семантически. Но как обстоит дело с их возникновением и с их историческим развитием? По данным „Этимологического словаря русского языка“ (Трубачев, 1974) союзы *и* и *а* – это бывшие падежные формы местоименных слов, служебное слово *о* этимологически можно отнести к союзу *а* и т.д. Следовательно, большинство служебных слов – это бывшие падежные окончания знаменательных слов (в частности местоимений). А что касается происхождения окончаний, то все они являются исконно русскими образованиями. В современном русском языке нет ни одного заимствованного окончания в парадигмах изменяемых слов. Главным свойством окончаний и служебных слов уверенно можно считать долговечность, что объясняет со своей стороны и их многозначность.

Итак, сначала следует сделать несколько предварительных замечаний, относящихся к основным типологическим чертам окончаний и служебных слов, т.е. это те места, где они пересекают свои структурные, функциональные и семантические способности:

1. В отрыве от конкретного речевого акта и окончания, и служебные слова характеризуются многозначностью;
2. Многозначность уменьшается в тексте. Окончание выступает как синкетическое единство и указывает одновременно на два или больше грамматических значений. В тоже самое время служебные слова в тексте обычно раскрывают лишь одно из своих значений;
3. В отличие от знаменательных слов, которые указывают на предметы, явления, действия и т.п., и служебные слова, и окончания выражают определенные отношения между знаменательными словами;
4. Они имеют абстрактное значение;
5. С исторической точки зрения можно рассматривать их как единства плана содержания и плана выражения. Отдельные частицы могут задолго предшествовать возникновению окончаний;
6. В речевом акте служебное слово всегда материально выражено. Окончания, однако, иногда не имеют внешнего формального выражения. Это происходит у слов с нулевым окон-

чанием; 7. И окончания, и служебные слова стоят ближе к синтаксису, чем к морфологии, поскольку и те и другие имеют коммуникативную предназначность; 8. В некоторых случаях можно образовать предложение только с помощью служебных слов –*Да! Нет!* Предложение не может быть образовано только с помощью окончаний; 9. И окончания, и служебные слова могут иметь синонимы – *и=тоже, р.п. ча-Я=ча-Ю;* 10. Они имеют регулярную реализацию в коммуникативном акте и характеризуются большой частотностью употребления; 11. Они выполняют схожие функции и иногда могут заменять друг друга. Доказательством можно считать аналитические языки (болгарский, английский и др.), в которых служебные слова берут на себя функции окончаний. Ср.: *русс. дочь инженера* и *болг. дъщерята на инженера.* Русское окончание *-а* и болгарский предлог *на* в конкретной ситуации являются функциональными синонимами в морфологии.

В конце статьи хотелось бы привести некоторые иллюстрации для раздумья. Но прежде чем приступить к этому, надо определить, в какой общий ряд входят окончания вместе с частицами и какова суть т.н. *партикул.* Большинство приведенных точек зрения заимствано из работы „Непарадигматическая лингвистика“ (Николаева, 2008):

1. Они представляют собой асимметрические явления. Поэтому находятся за рамками парадигматики; 2. Они функционируют самостоятельно или присоединяются. Первообразные (немотивированные) частицы служат строительным материалом для образования частиц более нового присхождения. Труднее определить точное происхождение первичных частичек, но для этой концепции важен тот факт, что они функционируют со времени возникновения языка. Присоединяются они или к знаменательному слову (учебник-А), или к другой частице. Комбинации частиц друг с другом весьма разнообразны и интересны. Однако не всякое сочетание образует осмысленную единицу. В русском языке можно обнаружить сочетания служебных слов типа *у-же, да-же, от-ту-да и т.д.* Разнообразие подобных комбинаций сохранилось и в болгарском языке (как и во всех славянских языках) – *да-ли, на-ли, да-но и т.д.* Они образуются по продуктивным моделям, а первичные частицы – это заданные самой природой языка конструктивные элементы; 3. Они создают парадигмы, вследствие чего окончания утрачивают некую целостность как самостоятельные единицы формообразования; 4. Число партикул изначально ограничено. Новые партикулы возникать не могут; 5. Партикулы функционируют в виде скрытой памяти. Подобную языковую память не могут объяснить ни лингвисты, ни говорящие, она является не иносказанием, а вполне даже ощутимой реальностью и до сих пор функционирует эффективно в дискурсе; 6. Все они связаны обязательно с категорией определенности/ неопределенности; 7. Индоевропейские и неиндоевропейские партикулы в большинстве своих случаев похожи друг на друга; 8. Они имеют диффузный характер. По частотности употребления в речи партикулы занимают первое место. Нормальная человеческая речь насыщена партикулами; 9. Центром этого уровня являются клитики; 10. Все слова в языке делятся на две группы:

знаменательные слова и слова коммуникативного фонда (партикулы); 11. Дать им четкое определение очень трудно. Поэтому они не имеют никакого отношения к таксономии и к парадигматике в современном понимании подсистем языка.

Итак, не будет ли преувеличением сказать, что в общем механизме речевого акта основные коммуникативно окрашенные позиции занимают партикулы? Есть все теоретические предпосылки для того, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно. Надо в заключение обязательно отметить, что с точки зрения реализуемых в речи типологических значений и деривационных способностей наибольшими возможностями обладают модификаторы *a*, *i*, *e*. Как хорошо видно на примерах, партикулы являются весьма простыми образованиями, они представляют собой один-три звука.

А если пойти еще дальше, то возникает ряд вопросов. Как уже было сказано, первичные частицы комбинировались разными способами между собой и создавали новые частицы. А есть ли такие окончания, которые образовались тем же самым образом при комбинации разных партикул? И если есть, сохраняется ли все еще та же скрытая память в них? Проблемы древнейших оканчаний самым тесным образом стыкуются с проблемами генезиса данного языка, что было давно исследовано лингвистами. Но далекое прошлое этих окончаний мешает четкому определению их точного формирования. Диахроническое историческое исследование встречает на своем пути ряд трудностей. В отличие от диахронии, где многое еще предстоит исследовать, в сфере синхронии положение дел несколько проще. С точки зрения синхронии есть все основания предполагать, что партикулы комбинируются между собой и образуют окончания. В связи с этим следует рассмотреть механизм, при котором окончания одного и того же рода и одного и того же числа взаимодействуют между собой в следующих трех предложениях:

1. Главная героиня упала; 2. Яркое солнце пекло; 3. Зимние дни пришли.

Особый интерес в этих конструкциях представляют вопросы, связанные с именами прилагательными, точнее, вопросы, связанные с их родовыми и числовыми показателями. Следует отметить, что имена прилагательные имеют зависимые от сочетающихся с ними существительных категории рода и числа, они указывают на род и число существительных, с которыми сочетаются. Категории рода и числа для имен прилагательных являются не их собственными категориями. Т.е., синтаксис в таких случаях доминирует над морфологией. А в синтаксисе партикулы находят свое истинное существование. Отсюда можно вернуться назад и рассмотреть окончания в первом предложении. В слове *героин-Я* йотированное *-A* и в слове *упал-А* окончание *-A* служат показателями для женского рода. Окончание *-АЯ* в слове *главн-АЯ* одновременно совмещает в себе два окончания в сфере имени существительного и глагола. Эти два окончания вместе презентируют в тексте грамматическое значение женского рода. Подобное явление характеризует и второе предложение. Там окончание *-Е* в слове *солнц-Е* и окончание *-О* в слове *пекл-О* присутствуют вместе при выражении среднего рода в прилагательном *ярк-ОЕ*. В последнем пред-

ложении финаль слова -ИЕ образовано таким же образом из двух партикул И+Е. Окончание прилагательного как бы указывает на то грамматическое отношение, которое выражается существительным, развивая его потенциал в условиях двуссторонних синтаксических связей. Такое явление вполне ощутимо в современном русском языке. Его можно по-разному трактовать. Первый подход к этой проблеме предполагает, что окончания полных прилагательных образованы с помощью двух окончаний, два окончания прилипают друг к другу, чтобы создать другое окончание. Ведь присоединение – это основное свойство партикул. Второй подход можно отнести к современному состоянию языка, точнее к границам разных морфем. Эти границы не всегда можно выяснить с абсолютной точностью. В связи с этим В. Белошапкова пишет: „Вопрос о том, есть ли в словоформе окончание, и если есть, то где оно находится, практически довольно ясен. Однако строгий теоретический ответ на этот вопрос дать не столь просто“ (Белошапкова, 1989: 382 с.). Поскольку выбор того или иного окончания является прежде всего фактом спонтанной речи, то его вычленение в устном дискурсе оказывается затруднительным. Поэтому и в теории лингвистики существует множество определений термина *окончание*, которые приводят к разным подходам. Наиболее трудно доказуемым является третий подход. В речевом акте прилагательные ищут средства для внешнего выражения. В их сфере встречается удвоение грамматического рода, указывающего на высшую степень грамматикализации. С помощью этих подходов только обращается внимание на тот факт, что внешнее родовое и числовое выражение представляет собой совокупность исторических, логических, структурных, морфологических и синтаксических фактов действительности. Но все они так или иначе в определенный момент дополняют друг друга и дают возможность выделить разные межуровневые аспекты языка. Если все вышеизложенные умозаключения верны, то эти частные постулаты нуждаются в доказательствах и в тщательном обосновании. С другой стороны, указанные свидетельства противоречат общепринятым принципам описания в современной лингвистике. Но если намечаются некоторые типологические тенденции, то нельзя просто пройти мимо, их следует описать и объяснить.

И, наконец, еще одно замечание, связанное со смысловой стороной любого окончания. Общепринятая парадигматика заставляет утверждать, что семантика окончаний не существует отдельно от семантики изменяемого слова. Но превращаясь в партикулу, окончание уже получает некий (иногда скрытый) смысл (ср. окончание мн.ч-и).

Сопоставление разных концепций и теорий позволяет сделать следующие выводы и обозначить следующие отправные аспекты для дополнительного анализа. Связь служебных слов и окончаний в современном русском языке отражает более старые взаимодействия и взаимопроникновения этих единиц. Вся человеческая речь опирается на знаменательные слова и на слова коммуникативного фонда. Последние представляют собой простые образования и превышают по частотности своего употребления употребление знаменательных слов. Эти простые конструкции могут при-

соединяться друг к другу. Таким образом они образуют служебные единицы разных грамматических классов. Они могут присоединяться и к знаменательным словам в виде окончаний. Следовательно, они представляют собой своего рода строительный материал языка для построения новых слов и для образования новых форм слов. Приверженность лингвистов к стереотипам до сих пор не позволяла им обособиться и стать самостоятельными языковыми единицами. Причина этого в том, что значительно легче причислить их к одному общепринятыму грамматическому классу или разряду, бросить их и т.д., чем доказать их автономное существование в природе языка. Все это обусловлено нечеткостью границ между ними и наличием смежных языковых явлений в их сфере. Но они имеют регулярную материальную представленность, проявляют себя в языке особым способом и демонстрируют глубокие исторические корни, что позволяет отделить их от единиц того же уровня. Строительный материал является единством плана содержания и плана выражения. Он обогащает, дополняет, усиливает, изъясняет, а иногда и строит речь. В плане содержания этих простых частичек находятся скрытые коды коммуникативного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- Белошапкова, В. (1989). *Современный русский язык*. Москва: Издательство „Высшая школа“.
- Виноградов, В. (2001). *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Издательство „Русский язык“.
- Дункель, Г. (1992). Грамматика частиц. *Вопросы языкоznания. Теоретический журнал по общему и сравнительному языкоznанию*, 5.
- Николаева, Т. (2008). *Непарадигматическая лингвистика. История „блуждающих частиц“*. Москва: Издательство „Языки славянских культур“.
- Трубачев, О. (1974). *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Москва: Издательство „Наука“.

SIMILAR PHENOMENA OF LANGUAGE AND SPECIFICS OF HOMONYMY IN THE COMMON SYSTEM OF PARTICLES AND INFLEXIONS: THE HIDDEN CODES OF SPEECH

Abstract. The article is dedicated to the analysis of homonymy in the system of functional parts of speech and inflexions. The work is a synthesis of the synchronic and diachronic aspects of this problem.

Iliya Soltirov, PhD Student

✉ University of Plovdiv „Paisiy Hilendarski“
Department of Slavic Languages
4000, Plovdiv, Bulgaria
Email: iliq_soltirov@abv.bg